

Заозерский Н. А. Церковные сюжеты в нашей беллетристике: (Беллетристика «Русской мысли» за 1900 г.) // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 4. С. 760–780 (2-я пагин.).

II. Церковные сюжеты въ нашей беллетристикѣ.

(Беллетристика „Русской мысли“ за 1900-й годъ).

Религія такъ разносторонне и глубоко проникаетъ бытъ русскихъ людей и всю русскую жизнь, что современный бытописатель-беллетристъ, стремящійся охватить ее всю въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ неизбѣжно долженъ коснуться и нашего религіознаго быта и.... дѣйствительно касается. Церковнобытовья картины, типы духовенства, его домашній бытъ, служебное положеніе, народные обычаи образовавшіеся подъ вліяніемъ церкви, обряды, храмы и богослуженіе въ нихъ совершающееся то входятъ частями въ очерки, путешествія, рассказы, повѣсти и романы, то становятся темами цѣльныхъ беллетристическихъ произведеній.

При томъ широкомъ вліяніи, какое въ настоящее время имѣетъ беллетристика въ нашемъ обществѣ, было бы неизвинительнымъ специально богословскому органу игнорировать этотъ элементъ нашего литературнаго творчества. Беллетристика въ настоящее время является не только и даже не столько художественнымъ творчествомъ, преслѣдующимъ задачи чистаго искусства, сколько орудіемъ пропаганды разныхъ идей и міросозерцаній, популярною формою публицистики..... Ею зачитывается молодое поколеніе, въ особенности юныя читательницы и, понятно, вмѣстѣ съ легкимъ и пріятнымъ усвоеніемъ фабулы повѣсти или романа, незамѣтно для себя всасываютъ идеи нравственнаго, общественнаго, семейнаго и религіознаго порядка и нерѣдко въ квазі—реальныхъ герояхъ проглоченныхъ произведеній прямо-таки находятъ себѣ образцы для подражанія имъ на своемъ жизненномъ пути.

Въ виду этого полагаемъ, что читатели Богословскаго Вѣстника, какъ лица, которымъ по преимуществу близки и дороги интересы религіи и нравственности, не сочтутъ для себя бесполезною потерю времени обратить вниманіе на наши отмѣтки и замѣтки по поводу тѣхъ или иныхъ произведеній нашей беллетристики, каковыя мы будемъ повремениамъ имъ предлагать.

Для начала отмѣтимъ нѣкоторыя художественныя произведенія журнала „Русской мысли“ за прошлый годъ.

Въ разсказъ: „Злая немочь“ Г-жи Н. Анненковой-Бернардъ (Декабрь 1900) заслуживаютъ вниманія два сюжета: 1) о. Павелъ у себя на дому лечащій Василису—истеричку отъ бѣса и 2, Литургія въ сельскомъ храмѣ совершаемая тѣмъ же о. Павломъ. Позволимъ себѣ въ точности скопировать второй изъ этихъ сюжетовъ, какъ наиболѣе характерный.

„Маленькая деревянная церковь была скудно освѣщена мигающими у образовъ трехкопѣчными желтаго воска свѣчками. Только возлѣ престольныхъ образовъ горѣли толстыя свѣчи“.

„Пахло кумачемъ, кубовой ситцевой краской, сѣрымъ домотканымъ сукномъ и дегтемъ“.

„О. Павелъ наканунѣ крестить у богатаго крестьянина и сегодня у него болѣла голова, а рука какъ то нервно и порывисто размахивала кадиломъ. Оно всякій разъ вздрагивало, цѣпочки звякали, точно желали выразить свое неудовольствіе о. Павлу по поводу небрежнаго обращенія съ кадиломъ“.

„На клиросѣ возлѣ поющаго козлинымъ голосомъ дьячка стояла помѣщица сосѣдней экономіи, одѣтая въ сѣрое платье и съ бѣлой наколкой на головѣ. Съ нею были сынъ-гимназистъ и взрослая дочь. Всѣ трое пѣли нескладно, фальшиво, помогая дьячку“.

„Но Василиса и убогая сельская церковь, и это жалкое пѣніе казались необыкновенно торжественными. Съ умилениемъ и страстной надеждой глядѣла она на старые облупившіеся образа и на о. Павла, махающаго кадиломъ; въ упоеніи слушала она фальшивое пѣніе и молилась полная благоговѣйнаго страха. Она не произносила ни громко, ни мысленно ни какихъ словъ; она вся ушла во внутреннее созерцаніе и въ этомъ заключалась ея молитва. Но она **мучи-**

тельно помнила о поклонахъ (которые приказалъ ей класть о. Павелъ): „какъ „Отче“ пропоютъ.... какъ „Отче“ пропоютъ“—повторяла она слова о. Павла и кланялась съ непрерывнымъ усердіемъ. Но уже во время „Херувимской“ она почувствовала неприятное щекотаніе въ горлѣ, а свѣча какъ то странно стала прыгать передъ глазами. Василиса все кланялась и кланялась..... Свѣчи прыгали, мерцали, качались изъ стороны въ сторону, потухали и снова вспыхивали..... то становились вдругъ зелеными, желтыми, фіолетовыми. Въ ушахъ звѣнѣло; неприятное щекотаніе въ горлѣ дѣлалось невыносимымъ. Изъ груди вылился вздохъ, похожій на стонъ. Онъ отдался въ ушахъ Василисы и породилъ новый... и еще новый... и еще... Стонъ за стономъ—болѣзненные, отрывистые рвались неудержимо изъ груди дѣвушки, а она все кланялась да кланялась... Душистый дымъ ладона смѣшался съ запахомъ дегтя и кумача,.. О. Павелъ все также махалъ кадиломъ... Съ клироса несло несладкое пѣніе... Народъ молился, падалъ на колѣни, громко дышалъ, какъ одна испанская грудь...”

„Ослобони!... Царь небесный!“—крикнула на всю церковь. Василиса и дальше ужъ не понимала ничего.“

„Ее закрыла платкомъ рядомъ стоящая баба, ее потащили изъ церкви на паперть... Она смутно чувствовала, какъ тяжело волочились ея точно свинцомъ налитыя ноги. Она билась, плакала и задыхаясь кричала „ослобони!“ (стр. 30—31).

Такова православная сельская литургія и дѣйствіе ея на больныхъ.

На дому у себя о. Павелъ изображается дов. строгимъ священникомъ. Василисѣ онъ внушаетъ почтеніе къ родителямъ (горькимъ пьяницамъ); сокрушенно качаетъ головой по поводу ея признанія, что она не знаетъ никакихъ молитвъ даже и „Отче“; налагаетъ на нее „строгий постъ“, состоящій въ томъ, что она должна подрядъ сходить въ церковь на девять обѣдней и класть по сту поклоновъ (а между тѣмъ Василиса не умѣетъ сосчитать и до 9-ти). Когда, за тѣмъ, о Павелъ стать читать надъ Василисою молитвы, то „носовой, однотонный голосъ подѣйствовалъ на нее успокоительно“; о. Павелъ вѣритъ, что Василису искушаетъ дьяволъ. Говоритъ о. Павелъ какимъ то страннымъ языкомъ—смѣсью простонародной рѣчи съ церковно-книжною; напр:

„Вотъ нонеча и въ печати можно прочесть про антихриста... Листки были разные на счетъ брэннаго конца сему брэнному міру... Во время прохожденія Христа Спасителя въ земной сей юдоли обыкновенно это называлось, что дьяволъ вселился“... Бородка у о. Павла русая, начинающая сѣдѣть; предъ иконою лампада, полъ—„блестящій, крашенный и проч. (срр. 27—28).

Оба сюжета обработаны по видимому съ претензією на художественность. Художникъ какъ будто совершенно объективенъ, пишетъ съ натуры, изображая только то, что поддается его наблюденію и пассивно воспринимая своими органами чувствъ зрѣнія, слуха и обонянія то, что даетъ созерцаемое явленіе. Онъ пассивенъ, какъ моментальная фотографія и, подобно ей, запечатлѣваетъ мелкія внѣшнія детали, не желая проникать во внутреннее настроеніе священника, дьячка, помѣщицы и прочихъ молящихся въ храмѣ. Для него всѣ они—только типичныя фигуры живописи или фотографіи. При всемъ томъ впечатлѣніе получается отъ нарисованныхъ сюжетовъ довольно-таки опредѣленное, которое можно формулировать такъ: *сельскій храмъ, сельское богослуженіе, сельскій священникъ, дьячекъ, молящіяся—какая все это дичь!*“

Если мы спросимъ, въ чемъ отличительный характеръ кисти нашего художника, въ чемъ особенность приѣмовъ его техники; то безъ всякаго затрудненія отвѣтимъ: въ грубомъ реализмѣ, въ сгущенности красокъ, прямо-таки раздражающихъ нервы зрителя. Отъ произведенія „пахнетъ кумачемъ, кубовой краской и дегтемъ... дребезжитъ козлиный голосъ дьячка, носовое однотонное чтеніе о. Павла; облупленные образа, трехкопѣчныя свѣчи, дымъ ладана смѣшавшійся съ запахомъ дегтя и кумача... о. Павелъ безпрестанно махающей кадиломъ, фальшивое пѣніе „херувимской“ и „отче“, Василиса плачущая, бьющаяся и кричащая, „ослобони!“—элементы живописи дов. сильно бьющіе по всякимъ нервамъ.

Такою кистью мажутся обыкновенно лубочныя картины, раскупаемыя нашимъ простымъ народомъ на ярмаркахъ и каррикатуры—красками въ юмористическихъ изданіяхъ.

Однакоже „Русская мысль“ не есть ни лубочное, ни юмористическое изданіе, а одинъ изъ толстыхъ журналовъ съ

литературно художественнымъ отдѣломъ и помѣщенное въ этомъ послѣднемъ твореніе г-жи Н. Анненковой-Бернардъ нельзя сказать, что бы было самымъ плохимъ произведеніемъ. Что же это значитъ? Остается признать, что такая литературная мазня удовлетворяетъ современному художественному вкусу..... Или, быть можетъ; это дѣйствительно карриатура? — Можетъ быть. Эта-то возможность и служитъ самымъ вѣрнымъ показателемъ достоинства розматриваемаго „беллетристическаго“ произведенія.

Нѣсколько иного характера церковными сюжетами подарилъ Русскую мысль г. Боборыкинъ въ рядѣ своихъ очерковъ „Вѣчнаго города“ и въ особенности—„Ватикана“. (Русск. Мысль, Іюнь).

Впроч. въ этихъ очеркахъ г. Боборыкинъ является не столько художникомъ пера, сколько публицистомъ и при томъ на тему очень интересную: онъ призываетъ русскую интеллигенцію заняться современнымъ Ватиканомъ и двинуть вопросъ о единеніи отечественной церкви съ римской подъ главенствомъ папы. Чтожь? Въ добрый часъ. Что же, однако, вызвало въ самомъ г. Боборыкинѣ эту идею и какихъ благъ ожидаетъ онъ отъ пропагандируемой имъ уніи съ ватиканомъ? Первая часть вопроса разрѣшается весьма легко: г. Боборыкинъ увлекся современнымъ Ватиканомъ въ лицѣ лучшихъ представителей его во главѣ съ папою Львомъ XIII; онъ предвидитъ славную будущность католицизма, какъ результатъ ихъ политики, находитъ въ самомъ русскомъ обществѣ „движеніе идей по направленію къ Риму“ и удивляется равнодушію интеллигенціи нашей къ этому движенію. „Не мало я живу на свѣтѣ — гов. онъ—а право не припомню, что бы гдѣ нибудь въ свѣтской гостиной, или въ кабинетѣ крупнаго чиновника, въ редакціи журнала, или на сходкѣ молодыхъ людей, въ женскихъ или мужскихъ кружкахъ заходилъ серьезный разговоръ на тему свободы совѣсти, государственной церкви, обязательнаго для русскихъ подданныхъ православія, а главное католичества, его розни отъ греческаго закона, его дѣйствительнаго значенія въ христіанствѣ, или еще менѣе о возможности того „соединенія вѣры“, о которомъ молятся каждый день за обѣдней“. (Стр. 4). На вторую же часть вопроса—что дастъ Россіи унія съ Римомъ — изъ разсужденій г. Боборыкина

дов. трудно сказать что либо опредѣленное; повидимому онъ имѣеть въ виду единственно торжество отвлеченнаго принципа свободы совѣсти, который въ настоящее время не имѣеть мѣста въ нашемъ законодательствѣ въ примѣненіи къ русскимъ, обращающимся въ католичество, или признающимъ главенство папы. „Завелись уже не сомнѣнно — гов. онъ—русскіе, если не въ народѣ, то въ нашей интеллигенціи, которые склонны къ уніи съ Римомъ¹⁾. Сколько ихъ—это не существенно. Можетъ быть десять человѣкъ, а можетъ быть и тысяча—мы съ вами проникать въ чужую душу не будемъ. Въ самомъ Римѣ за исключеніемъ того священника, который былъ недавно лишенъ въ Россіи своего сана, я такихъ русскихъ не встрѣчалъ. Но они могутъ объявиться впоследствии. *И предположите*, что образуется небольшая на первыхъ порахъ община православныхъ признающихъ главенство римскаго епископа. Для Рима въ этомъ ничего не будетъ не обычнаго. Здѣсь живутъ служители чуть не цѣлыхъ десяти разноязычныхъ церквей по восточному обряду вплоть до южно русской уніатской церкви. Такая община великороссовъ могла бы открыто и безпрепятственно отправлять въ Римѣ публичное богослуженіе *въ какой угодно католической церкви* и въ своей моленной, устроенной по греческому обряду съ иконостасомъ. Но по возвращеніи членовъ такой общины на родину что ждетъ ихъ и въ особенности тѣхъ, кто будетъ заподозрѣнъ въ совращеніи въ унію? Вотъ въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ. Моя точка зрѣнія чисто объективная, въ интересахъ свободы совѣсти“.

(Стр. 19—20).

Такъ обязательна предупредительная забота г. Боборыкина о расчищеніи русской почвы для имѣющихъ явиться уніатовъ среди великороссовъ. Она еще болѣе возбуждаетъ интересъ къ вопросу: что же въ самомъ дѣлѣ хорошаго въ этой уніи, что такъ увлекло Ватиканомъ нашего художника-публициста?

Обратимся къ самому изображенію Ватикана, какое даетъ г. Боборыкинъ.

На первомъ планѣ выступаетъ здѣсь цѣлая портретная

¹⁾ Г. Боборыкинъ имѣеть при этомъ въ виду извѣстнаго эксъ-священника Толстаго и покойнаго Вл. С. Соловьева.

такъ сказать галлея современныхъ выдающихся дѣятелей Ватикана. Съ большимъ интересомъ читатель созерцаетъ въ ней портреты о. *Викенцо Ваннутелли*, префекта Конгрегаціи для пропаганды вѣры-кардинала *Ледоховскаго*, Статсъ-секретаря папы, кардинала *Рамполла* и наконецъ самого папы *Льва XIII*. Для читателей Богословскаго Вѣстника, папы не издавшихъ и не имѣющихъ возможности читать произведеніе г. Боборькина полагаемъ не будемъ излишнимъ привести сполна описаніе аудіенціи папы, которой удостоился г. Боборькинъ и которую онъ изобразилъ— по его собственнымъ словамъ—съ совершенною точностью.

Мѣсто аудіенціи — не большая гостинная. „Папа сидѣлъ одинъ въ креслѣ и поклонился мнѣ издали; а когда я подошелъ къ нему, указаль мнѣ на ближайшее кресло отъ себя вправо“.

„Одѣтъ онъ былъ такъ: на головѣ бархатная скуфья съ мѣховой оторочкой, ниже и шире, чѣмъ обыкновенная папская скуфья, вѣсѣмъ извѣстная по портретамъ Льва X и Юлія II, и цвѣтъ бархата алыи, а не темнокрасный. Какъ будто скуфья покрывала бѣлую шапочку, которая надѣвается назадъ. Изъ подъ скуфьи выступали двѣ волнистыхъ пряди совсѣмъ бѣлыхъ волосъ. На немъ снизу бѣлая сутана такого почти покроя, какъ у кардиналовъ, а сверхъ сутаны родъ пальто съ отворотами и длинными обшлагами изъ бѣлаго муара-антика. На плечи слегка накинута красная мантия. Внизу эта мантия изъ шерстяной матеріи ложилась красивыми складками съ подбоемъ краснаго атласа. Ноги въ шитыхъ золотомъ туфляхъ темномалиноваго бархата. Поверхъ чулокъ надѣтъ еще родъ вязанныхъ бѣлыхъ штиблетъ для тепла. На рукахъ бѣлыя митени и огромный перстень на одномъ изъ пальцевъ правой руки. Въ ней онъ держаль фуляровый платокъ темнозолотистаго цвѣта, большой и смятый, и короткую бочковатую табакерку. На шеѣ золотой епископскій крестъ и никакихъ другихъ украшеній“.

„Не знаю, можетъ быть у себя запросто въ спальнѣ, да еще вечеромъ (когда аббатъ Пьеръ былъ принятъ папой) Левъ XIII и не отличается безупречностью своихъ сутанъ будтобы часто со слѣдами нюхательнаго табаку; но на этотъ разъ все на немъ было точно съ иголки новое и

все изящное, можно бы даже сказать франтоватое, особенно эти отвороты и обшлага изъ бѣлаго муара-антика“.

„Вначалѣ, минуты такъ три-четыре, онъ произносилъ слова тихо и медленно съ паузами, какъ бы затрудняясь въ выраженіяхъ, хотя по французски говоритъ свободно и съ умѣреннымъ акцентомъ почти безъ ошибокъ, кое когда съ возгласами по итальянски: „е алго!“ или „е gio!“ Въ эти первыя минуты онъ мнѣ показался гораздо дряхлѣе, чѣмъ я ожидалъ. Но прошло еще нѣсколько минутъ и онъ одушевился: все почти время говорилъ самъ съ болѣе ускореннымъ темпомъ и безъ длинныхъ паузъ. Онъ спросилъ меня о моемъ писательствѣ, занимаюсь ли я исключительно беллетристикой или и другими отраслями литературы. Узнавъ, что я не исключительно беллетристъ, онъ освѣдомился, не нужно ли мнѣ бывать въ архивѣ Ватикана, на что я отвѣтилъ, что работаю вотъ уже болѣе 7-ми лѣтъ надъ книгой по исторіи европейскаго романа въ XIX столѣтіи, считая и русскій“.

„Попавъ на тему о Россіи, Левъ XIII еще замѣтнѣе оживился и началъ говорить быстрѣе и характернѣе по выбору словъ и выраженій“.

— Вотъ вчера—началъ онъ—вашъ министръ-резидентъ (онъ произноситъ его имя по итальянски) сидѣлъ тутъ и я ему говорилъ о моемъ неизмѣнномъ желаніи поддерживать съ Россіей самыя дружескія отношенія. Никогда я не опускаю случая внушать католическимъ духовнымъ въ предѣлахъ вашего отечества, что не надо смѣшивать вопросы вѣры съ политикой, а слѣдуетъ держаться наставленій церкви. Сколько есть на востокѣ іерарховъ, признающихъ главу католичества—при этомъ папа улыбнулся — и я имъ всегда внушаю, что всякая власть отъ Бога и что они обязаны повиноваться своему законному государю—султану“.

„При этомъ онъ привелъ тотчасъ же текстъ изъ посланія Апостола Павла о повиновеніи властямъ, разумѣется, на латинскомъ языкѣ“.

„Незамѣтно онъ попадалъ на одну изъ своихъ любимыхъ темъ съ русскими: о томъ, — какъ было бы желательно приглашеніе двухъ высочайшихъ авторитетовъ въ старомъ свѣтѣ—духовной власти (при этомъ на словахъ „moi, somme chef de la catholicite“ онъ опять неожиданно и очень добро-

душно улыбулся) и единственно твердой въ Европѣ свѣтской власти русскаго государя“.

„Видно, что это одна изъ тѣхъ сладкихъ грезъ, съ которыми онъ кончитъ свое земное поприще“.

— „О тогда — продолжалъ онъ — одушевляясь и широко разводя руками,—можно было бы побѣдоносно бороться со всѣми разрушительными движеніями и съ нигилизмомъ, — выговорилъ онъ строже и глаза его блеснули,—и съ социализмомъ... нѣмецкимъ, многозначительно прибавилъ онъ и брови его сдвинулись. Это слово „allemand“—пришло ему не сразу“.

„А соединеніе церквей—подумалъ я; неужели о немъ не зайдетъ рѣчь? Я зналъ, что Левъ XIII не пропускаетъ никогда случая поговорить на эту тему, при чемъ съ грустью замѣчаетъ: „Moi, je n'entrerai pas dans le pays de Chanaan! Je suis trop vieux pour cela!“

Другими словами: я не доживу до вожделѣнной минуты, когда то „соединеніе вѣры“ о которомъ провозглашаютъ у насъ во время обѣдни, осуществится“!

„Задавать Его Святѣйшему вопросы не полагается и я не собирався играть роль репортера. Можно было только незамѣтно навести его на эту тему, что я и попробовалъ, воспользовавшись направлениемъ разговора въ сторону Россіи и отношеній куріи къ русской власти“.

„Было умѣстно упомянуть о томъ интересѣ, какой въ русской публикѣ вызвали двѣ его знаменитыхъ энциклики: и та, гдѣ онъ призываетъ западное христіанство къ болѣе великодушнымъ чувствамъ во всемъ, что касается трудовой меньшей братіи, и та, гдѣ онъ обращается къ восточнымъ церквамъ со словами примиренія. Это замѣтно понравилось ему, въ особенности когда я упомянулъ о тѣхъ фактахъ, которые прямо показываютъ, что папѣ принадлежитъ починъ возстановленія греческаго обряда въ Италиі, въ самомъ Римѣ и его окрестностяхъ, какъ напр. въ монастырѣ Grotta Ferrata, гдѣ онъ приказалъ вернуться и къ преподаванію въ школахъ на греческомъ языкѣ, и къ древнему Богослуженію, даже настоялъ на передѣлкѣ церкви по православному типу съ иконостасомъ, тогда какъ она еще недавно была совсѣмъ латинская“.

„Рѣчь его потекла еще оживленнѣе; видно, что ему осо-

бенно пріятно говорить объ этой землѣ Ханаанской, куда онъ не надѣется самъ войти“.

„Для него — это дѣло, вполне осуществимое!“ — Конечно, есть разности—соглашается онъ. И онъ перечислилъ извѣстные намъ со школьной скамьи пункты, которые греческая церковь ставила въ вину латинской. Но все это не составляетъ *неодолимаго препятствія* по его мнѣнію. Великая церковь, держащаяся христіанскихъ преданій, можетъ сохранять свои особенности, только бы она не отвергала самаго принципа іерархіи“.

„Тутъ онъ улыбнулся глазами и сдѣлалъ маленькую паузу“.

„Съ удовольствіемъ — продолжалъ онъ — замѣчаю я, что даже Англія въ послѣднее время совсѣмъ иначе относится къ римской церкви. Конечно, съ протестантизмомъ соглашеніе невозможно, потому что онъ отрицаетъ іерархію, преемственность благодати. А гдѣ этого нѣтъ, тамъ нѣтъ и принципиальной невозможности“....

„Аудіенція длилась около полчаса. Когда я откланивался напѣ и отдавалъ поклонъ, наклонившись къ нему (у нашихъ дипломатовъ въ обычаѣ цѣловать руку), онъ сказалъ мнѣ опять безъ всякаго благословляющаго жеста: „Je vous serre la main, monsieur“¹⁾!

Съ подобною же обстоятельностью описаны г. Боборыкинымъ аудіенціи и бесѣды и съ выше перечисленными представителями Ватикана.

Что особенно пріятно поразило г. Боборыкина въ этихъ аудіенціяхъ и бесѣдахъ, это—простота въ обращеніи и искренность бесѣды этихъ особъ съ нашимъ писателемъ. Выходя изъ покоевъ папы г. Боборыкинъ думалъ напр. слѣдующее: „Я воображалъ себя въ кожѣ русскаго писателя передъ какой нибудь „особой“ въ предѣлахъ нашего отечества. Меня сейчасъ принималъ какъ-никакъ глава двухъ-сотъ милліоновъ католиковъ, для которыхъ онъ чуть не „земной богъ“, и не только первосвященникъ, вѣщающій безусловную истину, но и государь. Какъ къ государю относятся къ нему представители иностранныхъ державъ, въ томъ числѣ и наши. Не знаю веѣмъ ли извѣстно, что па-

¹⁾ Стр. 41—42.

кеты, идущіе отъ русскаго правительства въ Ватиканъ надписываются (на русскомъ языкѣ) такъ: „Его Святѣйшеству, епископу римскія церкви, Державному папѣ“. Какъ ни оберните, духовный властелинъ чуть не половины христіанскаго населенія земного шара—и онъ такъ простъ въ обращеніи, бесѣдуетъ съ такою искренностью, ведетъ себя со всѣми такъ, точно вы его младшій по лѣтамъ собрать“ (стр. 42).

Мы не желаемъ, конечно, ни мало ослаблять этого пріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго нашимъ писателемъ отъ бесѣды съ хорошими людьми, хотя, признаемся, насъ нѣсколько удивляетъ наивность и крайнее мягкосердіе г. Боборыкина. Намъ невольно приходитъ на мысль, какъ не много потребовалось со стороны умныхъ людей Ватикана, чтобы привлечь къ себѣ нашего писателя! Всего лишь нѣсколько словъ обязательной свѣтской деликатности. Но вѣдь самъ же г. Боборыкинъ нѣсколько ранѣе предупредилъ читателя, что доступъ къ этимъ хорошимъ людямъ онъ получилъ лишь благодаря весьма сильнымъ протекціямъ, которыми ему посчастливилось заручиться. Что же удивительнаго, если ему оказана была любезность въ пріемѣ? А съ другой стороны онъ не долженъ бы, повидимому, такъ крайне умять и своей собственной личности, какъ все таки литературнаго представителя такой страны, которая, по собственному же признанію этихъ хорошихъ людей также возжелѣнна, какъ нѣкогда представлялась возжелѣнною странствовавшему еврею Ханаанская земля. Такой комплиментъ могучей, вѣрующей Россіи въ устахъ Льва XIII-го заслуживаетъ дѣйствительно глубокаго вниманія... Но вѣдь она сдѣлалась таковою безъ всякаго содѣйствія со стороны католицизма и его главы и даже, если г. Боборыкинъ припомнить нѣкоторые моменты изъ исторіи государства русскаго, при весьма сильномъ со стороны оныхъ противодѣйствіи. И если современные представители католицизма оказались такими любезными въ отношеніи къ русскому писателю, то долгъ вѣжливости послѣдняго обязывалъ лишь къ тому, чтобы пожелать и имъ сдѣлать такими же могучими и вѣрующими Италію, Францію, Австрію, Германію и прочія нѣкогда католическія и вѣрующія страны и... только, а отнюдь уже не обязывалъ такъ легкомысленно содѣйствовать расчищенію путей въ землю Ханаанскую, или, нѣкоторымъ

образомъ, предавать свое отечество. А между тѣмъ г. Боборыкинъ какъ будто совѣмъ не шутя взялъ на себя миссію расчищать въ средѣ русской интеллигенціи путь къ любезному приему католицизма и главенства папы и даже не прочь иногда кольнуть и нашу іерархію за неисполненіе долга ревности о соединеніи церквей и за забвеніе уваженія къ римскимъ папамъ, между которыми не мало де было и святыхъ. „Вѣдь наши начетчики—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—и внѣ раскола, знающіе хорошо „прологъ“ могутъ останавливаться на вопросѣ: что же случилось теперь съ папами и почему послѣ столькихъ папъ, признаваемыхъ святыми и православной церковью, вдругъ какъ отрѣзало, и никто о нихъ никогда даже и не упоминаетъ?“ (стр. 5).

Справедливость требуетъ, впрочемъ, признать, что г. Боборыкина представители современнаго Ватикана увлекли нѣсколько далѣе предѣловъ простой признательности (т. е. на путь пропаганды римской уніи) не одними только личными нравственными качествами и любезностью обращенія, но и широкими принципами свободы совѣсти и религіозной терпимости. Вотъ какъ иллюстрируетъ эту широкую религіозную терпимость Ватикана и особенно самого папы Льва XIII г. Боборыкинъ: „Восточные культы — говоритъ онъ — Римъ давно приурочилъ себѣ, а при Львѣ XIII съ его широкимъ отношеніемъ къ восточнымъ обрядамъ это можетъ пойти еще дальше. Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо въ недѣлю Богоявленія походить въ церковь S. Andrea della Valle. Тамъ цѣлыхъ восемь дней сряду бываетъ рано утромъ служба какого нибудь восточнаго обряда на національномъ языкѣ, а позднѣе проповѣдь на пяти или шести европейскихъ языкахъ. Проповѣди говорятъ нѣмцы, французы, ирландцы, испанцы, поляки; но эти священники (иногда и епископы) все католики. А по утрамъ — служба исключительно восточная со всеми особенностями мѣстнаго Богослуженія. Въ Январѣ 1898 года обѣдни эти происходили въ такомъ порядкѣ: сиромаронитская, сирійская, халдейская (съ епископомъ) греческая (торжественная архіерейская), епископская болгарская, коптская, греко-румынская (на церковномъ языкѣ литургія нашего обряда), армянская—епископская. Каждый изъ туристовъ можетъ наглядно убѣдиться въ томъ, что къ Риму присоединились въ разное время и церкви, сохранившія

свой обрядъ, И куріи какъ бы нѣтъ дѣла до того, какъ онѣ молятся, только бы онѣ не представляли изъ себя схизмы въ смыслѣ протеста противъ главенства римскаго первосвященника... Вселенскій характеръ такихъ службъ не сомнѣнъ“—выводить отсюда г. Боборыкинъ (стр. 51).

Съ точки зрѣнія туриста такая широкая терпимость куріи и самого папы Льва XIII можетъ быть представляеть зрѣлище умилительное. Но разъ г. Боборыкинъ взялъ на себя миссію ревнителя соединенія церквей во имя религіозныхъ интересовъ, во имя религіозной совѣсти—онъ долженъ былъ бы взглянуть на это явленіе совсѣмъ иначе. Обрядъ въ религіи есть нѣчто, несравненно болѣе важное, чѣмъ это представляеть себѣ г. Боборыкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое религіозный обрядъ? Это есть внѣшняя оболочка всего религіознаго, догматико-нравственнаго созерцанія, это—тоже, что тѣло для души, слово—для мысли. Отношеніе между ними такое внутреннее, неразрывное, что извращеніе или измѣненіе обряда въ искренно-религіозномъ или благочестивомъ челоуѣкѣ производитъ такое же страданіе, какое производитъ болѣзненное состояніе его тѣла, или искаженіе дорогихъ для него мыслей. Равнодушіе, индифферентность къ обряду можетъ быть только у слабого въ вѣрѣ, колеблющагося или вовсе не вѣрующаго. Обрядъ есть именно показатель степени субъективной вѣры, внутренней религіозности челоуѣка, особенно священнослужителя. Глубоко религіозный священникъ непремѣнно совершитъ обрядъ истово; менѣе религіозный или плохо настроенный—нерадиво и поспѣшно. Посему встрѣтить въ священникѣ и даже первосвященникѣ равнодушіе къ обряду и особенно такое, какъ то, которое такъ умилило г. Боборыкина въ Римѣ—по истинѣ странно. Для священника, какъ священника психологически не мыслимо индифферентное отношеніе къ обряду. Иное дѣло—свѣтскій правитель, государь разновѣрныхъ подданныхъ. Разъ для него дорого благо послѣднихъ, именно не равнодушныхъ къ обряду, онъ обязанъ проводить въ своей политикѣ принципъ вѣротерпимости, и оставаясь самъ глубокимъ чителемъ обряда своего вѣроисповѣданія, гарантировать и для каждаго вѣрующаго особенное существованіе его обряда. Его задача и состоитъ именно въ томъ, что бы въ одномъ государствѣ, охранять одновременное существованіе

и дѣйствованіе разнообрядныхъ исповѣданій *одного подлѣ другаго* но не его задача—сливать во едино, заботиться о религиозномъ единствѣ и союзѣ разновѣрныхъ подданныхъ: это—спеціальная миссія священника. Истинность этихъ положеній настолько понятна для каждаго знакомаго съ исторією Церкви, что не требуетъ доказательствъ и если г. Боборыкинъ не додумался до нихъ, то это, конечно, отъ того, что взялся разсуждать о предметѣ мало для него извѣстномъ. Для насъ болѣе интереса представляетъ самая политика Ватикана, восхваляемая нашимъ писателемъ, и въ особенности слѣдующія слова знаменитой буллы самого Льва XIII, оправдывающія эту политику. „Руководясь отнюдь не чловѣческими интересами, а божественною любовію и желаніемъ общаго спасенія, мы убѣждаемъ васъ къ воссоединенію и союзу съ римскою церковію; союзъ же разумѣемъ полный и совершенный: ибо таковымъ отнюдь не можетъ быть такое воссоединеніе, которое означаетъ не что иное, какъ нѣкое извѣстное согласіе въ догматахъ вѣры и общеніе въ братской любви. Истинное единеніе между христіанами, какое установилъ и какого желалъ основатель церкви Іисусъ Христосъ состоитъ въ единствѣ вѣры и управленія. Нѣтъ основанія для васъ опасаться, чтобы вслѣдствіе этого соединенія или мы, или наши преемники умалили чтонибудь изъ вашихъ правъ, патріаршихъ привилегій и обрядовыхъ установленій каждой церкви“ ¹⁾.

Страннымъ и загадочнымъ въ этихъ словахъ намъ представляется то, какимъ это образомъ въ сознаніи *первосвященника* могъ представиться „полнымъ и совершеннымъ“ религиозный союзъ восточной и западной церкви при сохраненіи каждою изъ нихъ той глубокой *разни* обрядовыхъ установленій, до какой они рядомъ вѣковъ отчужденности дошли въ настоящее время“?

Для объясненія странности и загадочности смысла этихъ словъ остается предположить одно изъ двухъ: или это обѣщаніе не искренно, или же—самъ авторъ его утратилъ вѣру въ дѣйственность и спасительность обрядовыхъ установленій не только церкви восточной, но и своей западной.

Какъ ни тяжело второе изъ этихъ предположеній, но оно

¹⁾ Энциклика папы Льва XIII о соединеніи церквей. Изд. 2 СПб. 1893, стр. 6.

находить для себя опору въ самомъ же разсматриваемомъ произведеніи г. Боборыкина. Дѣло въ томъ, что католическій обрядъ въ настоящее время такъ выдохся, такъ не отвѣчаетъ современному положенію римской церкви и вѣросознанію ея чадъ, что въ самомъ Римѣ для самихъ католиковъ онъ имѣетъ въ большинствѣ значеніе только *зрѣлища*, а отнюдь не священнодѣйствія. Это—не наше мнѣніе, а мнѣніе г. Боборыкина, вынесенное имъ изъ собственнаго наблюденія за совершеніемъ католическаго богослуженія въ различныхъ храмахъ Рима.

Вотъ напр. описаніе литургии, совершенной самимъ папою Львомъ XIII въ залѣ беатификацій въ праздникъ шестидесятилѣтія его священства.

„Показались носилки и надъ толпой, кричавшей „Viva il papa“ и въ нѣкоторыхъ группахъ и „il papa gé“ при рукоплесканіяхъ, которыя намъ русскимъ кажутся всегда не приличными, высилась голова старца съ пергаментнымъ лицомъ и рѣзкимъ профилемъ, въ бархатной скуфьѣ и перелинѣ такого же темнокраснаго цвѣта, опушенной горностаемъ. Этой службой праздновалась и 60-ти лѣтняя годовщина священства Льва XIII. Онъ кончалъ свой 88-й годъ жизни. Въ такой возрастъ старость уже теряетъ свои отѣнки. Но противъ того, какое лицо у него на фотографіяхъ—и большихъ, въ натуральную величину, и альбомныхъ—разница огромная. Вы ожидаете также судя по портретамъ, что папа—порядочнаго роста, а въ дѣйствительности онъ казался сгорбленнымъ отъ лѣтъ старичкомъ, роста менѣе средняго, когда его облачили тутъ же передъ публикой и онъ поднялся къ алтарю, придѣланному къ стѣнѣ залы на нѣкоторомъ возвышеніи. Служилъ онъ въ обыкновенномъ священническомъ облаченіи изъ бѣлаго глазета и безъ тиары, а въ бѣлой шапочкѣ, которую одинъ изъ ассистентовъ въ фіолетовыхъ сутанахъ и рубашкахъ безпрестанно то снималъ, то надѣвалъ, ловко беря за кисточку. Обѣдня была такъ называемая у французовъ „messe basse“, т. е. обыкновенная, произносимая священникомъ вполголоса, а не на распѣвъ, безъ діаконовъ, музыки и пѣнія. Только при вносѣ папы и по окончаніи службы пѣлъ хоръ, помѣщенный на балконѣ на одной изъ боковыхъ стѣнъ“.

„Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, была очень хорошо видна

вся фигура папы во время первой обѣдни. Она длилась не много больше получаса.... Папа двигался передъ алтаремъ согбенный, маленькими шажками, дѣлалъ всё повороты и опусканія колѣнъ, какъ заурядный священникъ. Я зорко слѣдилъ за тѣмъ, держать ли его ассистенты за руку или подъ локоть; заполненнаго пространства между его плечемъ и фигурой ассистента—справа и слѣва — не было замѣтно. Его нисколько не придерживали, даже и тогда, когда онъ въ концѣ обѣдни произнесъ молитву, стоя на обоихъ колѣнахъ и дов. долго. Для 88-лѣтняго старика это изумительно! И свою „тихую“ обѣдню произносилъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ дов. громко глухимъ низкимъ голосомъ, съ характерными интонаціями гласныхъ, при чемъ у него въ нихъ слышится какое-то придыханіе....

„Этотъ подъемъ силъ для исполненія скромныхъ обязанностей священника въ такой преклонной старости *долженъ былъ бы вызывать въ вѣрующихся гораздо болѣе умиленное чувство. А публика, не считая разноплеменныхъ иностранцевъ, присутствовала на этой годовщинѣ 60-ти лѣтняго священства папы — просто какъ на зрѣлищѣ.... Аплодисменты и крики „Viva il papa—re“ отзывались спектаклемъ и много-много политической демонстраціей. Нигдѣ я не замѣтилъ ни одного умиленнаго лица: ни въ членахъ разныхъ католическихъ обществъ, ни въ патерахъ, ни даже въ женщинахъ изъ мелкой буржуазіи, плоховато одѣтыхъ. А кажется времени для наблюдений было довольно....*

Отслуживъ обѣдню, папа скрылся на минуту за драпировку слѣва. Ему послѣ принятія причастія можно подкрѣпиться. Люди, знакомые хорошо съ порядками Ватикана рассказываютъ, что онъ въ этихъ случаяхъ выпиваетъ *чашку бульена и рюмку вина.*—Вторую обѣдню служилъ молодой каноникъ. Папа сидѣлъ въ креслѣ. Потомъ началось представленіе депутацій и обществъ, съ цѣлованіемъ туфли. Почти каждому онъ что нибудь говорилъ.

Понесли его обратно тѣмъ же путемъ черезъ всю залу.... онъ смотрѣлъ все еще очень бодро, лицо улыбалось; благоговѣяетъ онъ не такъ, какъ нашъ владыка, а округленнымъ движеніемъ обоихъ рукъ въ бѣлыхъ вязаныхъ полуперчаткахъ (митенкахъ) съ огромнымъ камнемъ на перстнѣ правой руки.....

Только это несеніе и красиво. Въ остальномъ торжество не было ничего внушительнаго.... Дворъ и стража вблизи производятъ впечатлительнѣе чего-то „не всамдѣлшнаго“—какъ говорятъ обыкновенно дѣти. „Guardia mobile“ и въ этотъ разъ и въ другія два торжества не надѣвала самыхъ парадныхъ мундировъ. „Кавалеры шпаги и мактѣи“, надзирающіе за порядкомъ и одѣтые испанцами XVI вѣка, съ фрезами вокругъ шеи и цѣпями, смахиваютъ на театральныхъ кавалеровъ, хотя костюмы сами по себѣ и живописны.

И расходилась публика совершенно какъ изъ театра“..... (стр. 32).

Другое торжество папы—„двадцатилѣтія его царствованія“, по описанію г. Боборыкина, въ смыслѣ богослужебнаго обряда было еще менѣе удовлетворительно. „Настроеніе еще менѣе благоговѣйное, чѣмъ въ Ватиканѣ на папской обѣднѣ. Тутъ уже ясно было, что всѣ съѣзжались смотрѣть на зрѣлище, ничего большаго“ (стр. 33).

Но можетъ быть въ обоихъ этихъ случаяхъ религіозному умиленію мѣшала юбилейная торжественность, разныя представительства ¹⁾? Можетъ быть во дни чисто церковные, покаянные или праздничные католическій обрядъ глубоко трогаетъ сердце, религіозно настраиваетъ, назидаетъ? Г. Боборыкинъ рѣшительно отрицаетъ это. Вотъ его общая характеристика католическаго обряда и католическаго священства:

„О службахъ на Святой (по нашему Страстной) недѣлѣ много писали на разныхъ языкахъ. Но грѣшный человѣкъ: я не очень то довѣряю авторамъ слишкомъ красивыхъ или умиленныхъ описаній. Я достаточно видѣлъ всякихъ торжественныхъ службъ и въ Ватиканѣ и въ Петрѣ и въ другихъ самыхъ значительныхъ церквахъ. Всѣ они на одинъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ послѣднее время и у насъ завелся совершенно антиканоническій обычай *чествованія* въ храмѣ Божіемъ юбиляровъ священниковъ, церковныхъ старостъ и богатыхъ возобновителей и благоукрашителей храмовъ, при чемъ чествуемымъ лицамъ приносятся въ даръ драгоценныя кресты, иконы, адреса и похвальные рѣчи, иногда весьма невысокаго краснорѣчія.... Православный храмъ есть домъ Господень (*Κυριακόν*—церковь), въ которомъ приносятся дары и славословіе только Богу, а не дары и славословіе людямъ, хотя бы это были іереи, старосты и ктиторы. Слѣдовало бы безусловно воспретить это новшество.

ладь. Въ нихъ декоративная часть преобладаетъ и она, право, весьма сомнительной красоты и истовости..... Не знаю, какъ это могла героиня романа братьевъ Гонкуръ, г-жа Жервезе отъ свободомыслія обратиться къ католичеству подъ обаяніемъ здѣшнихъ церковныхъ службъ. Дѣйствіе ихъ на русскихъ барынь сомнительно, почему вѣроятно такъ мало у насъ и переходитъ въ латинство. Извѣстная помпа церемоній въ Петрѣ, вродѣ того юбилея, на которомъ я былъ, въ роскошной рамкѣ собора не лишена красоты, но чисто религіознаго настроенія она не даетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго что вы и не видите въ многотысячной толпѣ, сбѣжавшейся отовсюду, никакого умиленнаго или восторженнаго чувства.

Думаю, что и всегда такъ было, или очень очень издавна. Не только Гете въ концѣ XVIII в., но еще Монтанъ на рубежѣ XVI и XVII вв. уже находили, что въ Римѣ нечего искать религіознаго чувства—на его религіозныхъ торжествахъ.

Праздники, прославленные по всему католическому міру, все похоже на гулянья въ стѣнахъ церкви. Большія обѣдни съ хоровымъ пѣніемъ и музыкой, въ богатыхъ церквахъ обставлены пышно, съ большимъ персоналомъ служащихъ, иногда съ хорошими голосами и талантливою игрой органиста. Но и тутъ зрѣлище на первомъ планѣ, а въ характерѣ пѣнія—куплетный стиль съ запѣвалой—теноромъ, который беретъ ноты точно въ „Трубадурѣ“ или „Травіатѣ“.

„Для любителя старины, для художника-жанриста, для иностранца, жаднаго до всякой couleur locale — въ Римѣ въ теченіе года бываютъ службы съ мѣстнымъ букетомъ; но опять таки онѣ не могутъ настраивать васъ такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, если вы ищете въ церкви не спектакля, а убѣжища для души“.

„На Рождествѣ, въ древней церкви Ага Соелі я слышала, какъ дѣти съ четырехлѣтняго возраста проповѣдывали передъ капеллой, отдѣланной „вертепомъ“ съ яслями и декоративными фигурами Богоматери, Иосифа, волхвовъ. Это — древній обычай, очень курьезный, но совсѣмъ уже не помогающій обаянію латинскаго культа. Иной мальчишкѣ, лѣтъ двѣнадцати, еще прокричитъ довольно эффектно вызубренную имъ тираду, но дѣвчурки пяти—четырехъ лѣтъ—когда

ихъ поднимуть на эстраду,—конфузятся, сбиваются и толпа кругомъ добродушно хохочетъ и остритъ“.

„Или въ S. Maria Maggiore—тамъ на святкахъ вы видите, какъ изъ будочекъ — исповѣдаленъ протягиваются длинныя палки. Патеръ сидитъ и изъ нея ткнетъ кого-нибудь изъ входящихъ, особенно тѣхъ, кто становится на колѣни. Это—полная индульгенція на извѣстный срокъ“.

„Неужели г-жа Жервезе этого не видала, а если видѣла, то неужели такіе традиціи и приемы спасенія души не разстраивали ея религіозныхъ настроеній?“

„Въ Римѣ вы не попадаете нигдѣ въ воздухъ горячеи, беззавѣтной молитвы народной толпы, съ ея страданіями и немощами, какъ напр. гдѣ нибудь у насъ, у Троицы, около раки угодника“.

„По крайней мѣрѣ мнѣ не приходилось находить въ Римѣ такихъ богомольцевъ. На парадныхъ службахъ бываетъ много народа, но это—гульбища и рѣшительно вездѣ. Въ простые дни, когда служатъ тихія обѣдни, въ церкви обыкновенно нѣсколько человекъ, или кучка у алтаря, гдѣ священникъ въ облаченіи. *Такая обѣдня не дѣлаетъ прихожанина участникомъ литургіи, потому что она—глухая.* Изрѣдка, въ нѣкоторыхъ службахъ есть обычай отвѣчать священнику въ униссонъ латинскія слова. Но вообще католическая паства живетъ богослуженіемъ гораздо меньше, чѣмъ православная, гдѣ и обыкновенная обѣдня вся громко произносится и поется, или протестантство, гдѣ толпа сама участвуетъ въ пѣніи молитвъ и псалмовъ“.

„Церковный бытъ латинства (и въ Римѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо) *гораздо меньше строгъ*, чѣмъ въ православіи и евангелизмѣ. Войдите въ любую церковь, въ праздникъ или въ будни, въ народную службу или въ „messe basse“ и вы сейчасъ почувствуете, какъ здѣсь все „вольготнѣе“ по выраженію нашихъ простолудиновъ. Приходятъ, разговариваютъ, садятся куда попало, спиной къ алтарямъ, приводятъ собакъ. Только въ Петрѣ я видѣлъ запрещеніе приводить собакъ, но во всѣ другія церкви имъ свободный входъ“.

„Но въ этой „вольготности“ заключается также и эластичность католицизма. Онъ снисходительнѣе, мягче; даетъ разрѣшеніе грѣхамъ сколько угодно; постъ — умѣренный, множество всякаго рода послабленій. Священники не только мо-

гутъ нюхать табакъ, но и курить; имъ разрѣшается ходить въ концерты въ сутанѣ, а въ театры въ партикулярномъ платьѣ. Свѣдущіе люди увѣряютъ, что имъ даются индульгенціи и по части седьмой заповѣди“ (стр. 48).

Читая эти описанія, отвѣтственность за достовѣрность которыхъ лежитъ конечно на ихъ авторѣ, естественно поставить вопросъ: что же означаетъ призывъ папы Льва XIII, обращенный къ церквамъ востока къ полному и совершенному союзу съ римскою церковію? Что можетъ дать этотъ союзъ, или эта западная церковь, священнослуженія которой снизили до степени „зрѣлица?“ Развѣ только „вольготность“ и „эластичность.“ но стоитъ ли для этого подпадать подъ иго непогрѣшимаго папы?

Не понятно, изъ за чего и нашему г. Боборькину пришла фантазія заняться пропагандой уніи съ Римомъ въ средѣ нашей интеллигенціи.....

Вопросъ о соединеніи церквей, являясь совершенно празднымъ въ той постановкѣ, какую придалъ ему г. Боборькинъ, подмѣтившій въ нашей интеллигенціи несуществующее „движеніе идей по направленію къ Риму“, далеко не является таковымъ, если обратить вниманіе на дѣйствительно существующее въ самомъ западѣ движеніе идей по направленію къ православному востоку. Говоря это, мы имѣемъ въ виду движеніе старокатоличества и англиканства; имѣемъ въ виду точно также и чисто научный интересъ съ которымъ въ настоящее время иностранцы разныхъ странъ Европы изучаютъ православный восточный обрядъ, архитектуру православныхъ, особенно древнихъ храмовъ, памятники церковной археологіи и церковнаго права и своими учеными изданіями одоужаютъ нашу собственную богословскую науку. Вотъ въ этомъ движеніи намѣчается дѣйствительно вѣрный и плодотворный путь и къ чисто духовному, нравственному единенію церквей, а не искусственному, наружному, римско-уніатскому. Въ чемъ сущность этого движенія? Несомнѣнно въ стремленіи къ реставраціи церковнаго обряда. И вотъ судя по вышеприведеннымъ описаніямъ г. Боборькина въ такой реставраціи и нуждается прежде и болѣе всего самый Ватиканъ. Въ чемъ должна состоять эта реставрація при помощи изученія восточноцерковнаго обряда—понять не трудно. Она должна состоять въ очищеніи современнаго католицизма

отъ тѣхъ наростовъ, которые пристали къ нему въ невозвратно минувшіе темные средніе вѣка и съ неразумнымъ упорствомъ охраняемыя доселѣ, хотя имъ не придаютъ никакой религіозной цѣны и сами католики міряне, а можетъ быть и сами священники. Къ чему въ самомъ дѣлѣ служить это „несеніе папы“ его служилыми людьми въ храмъ при какомъ-то церковновоенномъ оркестрѣ? Къ чему этотъ пуриуръ кардиналовъ и тиара самого папы? Къ чему эта папская гвардія, эти кавалеры мантии и шпаги, одѣтые испанцами XVI-го вѣка? Все это имѣло смыслъ когда папа дѣйствительно былъ государемъ своей державы; теперь же все это музейное вооруженіе конечно не способно внушать никакого страха къ державному папѣ, а производитъ только впечатлѣніе чего-то воистину „невсамдѣлишнаго“.

Идти на встрѣчу этому религіозному движенію запада — иное дѣло, исполнѣ достойное и нашей интеллигенціи, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время нерѣдко свое знаніе „закона“ въ предѣлахъ гимназической программы почитаетъ исполнѣ достаточною подготовкою не только для публицистики, но и для художественнаго творчества въ сферѣ религіи, конечно, для того только, что бы поражать искривленно религіозное чувство и сознаніе читателя своею невѣжественною отвагою.

Н. Заозерскій.
